носивший. Не только в имени, но и на лице
признаки монгольского рода, рассказывая
жестикулируя руками.
— Эта война не для меня. Я по всем вероятностям
опоздал родиться столетия на четыре. Знаешь,
Петр, — говорил он обращаясь к соседу Терен-
тьеву, произнося Петр слово Петр с подчеркнутым
„е" вместо „ё") не дожидаясь до конца этой
войны.
— Бросе хиромантию! — басовито крикнул тот
из-под бурки. Из-за этого урода.
— Никакой хиромантии. Это конец предопределе-
ния. У меня аставился я... Ей-богу, тут
лишний! Когда я сегодня шел под огнем
я дрожал от бешенства я не боялся и хочу
не не вижу противника. Это гадкое чувство
равносильно страху. Тебя разят на расстоянии
нескольких верст, а ты идешь на рожи, как
дурак по степи под оглушительным обстрелом.
— Я смотрел в купалке австрийскую газетку,
кто из вас видел гостада? — спросил сосед
Атаманчуков слезавая с рамок подстрижен-
ных по английски усов крупных мясах полков.
— Замечательно приспособлена камера весь ме-
ханизм это здорово сделано — восторженно
заметил хорунжий Кубов успевший открыть
консервы второй котелок щей.
— Я видел что о впечатлениях своих участников
продан в артиллерии. по моему пушка
как пушка — зевнул.
— Завидую тем, которые в свое время воевали
первобытным способом, — продолжал Калма-
ков теперь уже обращаясь к Лютикову
— врубишься в противника и шашкой раздели
человека на две половины вот это я
понимаю, а по чорт знает что.
— В будущих войнах роль кавалерии сведется
к нулю.
— Вернее ее самой не будет существовать.
— Ну, это-то положим!
— Уже великое сокращение!
— Слушай, Терентьев нельзя же человека
заменить машиной. Это крайность.
— Я не про человека говорю а про лошадь.
Моторные или автомобили ее заменят.
— Воображаю автомобильный эскадрон.
— Дикость! — загорячился Калманов, — хоть
еще послужит армии. Абсурдная фантазия
это будет через 200-300 лет мы не увидим
а сейчас во всяком случае конница...
— Это ты будешь думать, Сенькин должно
когда этаких, отошлют фронт? А?!
Ну-ка отвечай.